

Алексей Комлев

Школьные истории

рассказы

Алексей Комлев

Школьные истории

«Издательские решения»

Комлев А.

Школьные истории / А. Комлев — «Издательские решения»,

Воспоминания двух друзей о своём детстве, прошедшем в 1970-е годы.

Истории, произошедшие с ними, а также другими, запомненные и записанные в школьных сочинениях.

© Комлев А.

© Издательские решения

Школьные истории

рассказы

Алексей Комлев

© Алексей Комлев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мы с Павликом учимся в одном классе. Когда я заболел, он каждый день после уроков приходил ко мне играть в шахматы. Мне же было скучно одному. Но и когда я не болел, мы всё равно каждый день были вместе – в основном гуляли, но, случалось, и уроки делали вместе. Мы дружим ещё с садика, а живём через дорогу.

Когда я выздоровел и пришёл в школу, выяснилось, что из-за нас класс отстаёт в сборке металлолома. Нам не хотелось подводить ребят. И девчонок тоже. Не хотелось подводить и нашу классную руководительницу – Тамару Ивановну. Оставался последний день, когда можно было спасти положение.

Накануне Павлушка как обычно зашёл ко мне вечером.

– Я знаю, – говорит, – где мы металлолому наберём.

– Где?

– Церковь за оврагом помнишь? Ну так вот – проберёмся туда и приволокём этот крест.

На краю нашего города за оврагом стояла заброшенная каменная церквушка с колокольней, а в прошлом году крест на главке рухнул. На этом овраге каждой весной проводили школьную Зарницу. С противоположного конца оврага церквушка казалась не большой, а крест уж совсем махоньким. Нам и в голову не пришла мысль, как мы его сможем дотащить.

И вот на следующий день со всех ног бросились за овраг. Добежали, отдышались. Храм был не запертым. Кровля его проржавела и прогнила. Оказалось, что крест с главки упал не на землю, а провалился под кровлю.

– Ничего, – ободрил меня Павлик, – сейчас проберусь и посмотрю что там к чему.

– А я-то?

– А ты охраняй здесь и гляди, если кто из взрослых случайно вдруг окажется.

– Давай лучше я полезу, а ты охраняй.

– Нет. Это же я придумал. Да к тому же там темно, наверное, на чердаке, а ты боишься темноты.

Я и в самом деле боялся темноты, поэтому спорить больше не стал.

Павлушки долго не было и от беспокойства я уж думал покричать его, но тут он появился.

– Нам даже не приподнять его вдвоём. – Сказал он сразу. – Это издали он казался маленьким, а на самом деле ого-го.

– Ерунда! – Не поверил я. – Позовём ребят, сбросим его вниз, погрузим на тележки...

– Тихо! – Вдруг прикрикнул на меня Павлик, показывая пальцем на губах. – Там какой-то старичок.

– Какой такой старичок? – Шёпотом переспросил я, глядя на друга широко раскрытыми глазами.

– Я когда крест осмотрел и назад было собрался, он внезапно так появился. В другой бы раз как заорал бы я от перепугу, а тут не испугался вовсе.

– Может это нищий здесь живёт или бездомный какой? – Предположил я.

В нашем городе был действующий храм, в который ходили одни бабки. А у входа в храм вечно сидел какой-то старичок, которого мальчишки дразнили при всяком удобном случае. Вот я и подумал: вдруг это тот самый дедок.

– Не он, не он... – зашептал Павлик и, потянув меня за рукав, побежал прочь.

Мы бежали не быстро и не оглядывались. На ходу Павлушка добавил:

– Он ещё меня по голове погладил. И ласково, так ласково смотрел.

Миновав овраг, мы вдруг увидели огромную груды металлолома, буд-то кто нарочно её здесь собрал и оставил. Странно, – подумали мы оба про себя, – ведь когда шли к оврагу этой же дорогой, никакой груды железа и в помине не было. Но удивляться и рассуждать было некогда. Я остался охранять такое бесценное для нас добро, а Павлик побежал к школе за ребятами. В общем, норму по металлолому наш класс выполнил, а случай про старичка в заброшенной церкви мы тогда забыли, тем более, что я-то своими глазами ничего не видел.

Сейчас нам с Павликом пошёл пятый десяток и жизнь разбросала нас по разным городам. Но мы стараемся встречаться хотя бы раз в три или пять лет, как получится. Он стал священником. В одну из таких встреч рассказал, что увидел однажды икону, на которой узнал того самого старичка. Это обстоятельство и определило его выбор на всю оставшуюся жизнь.

Я верующим человеком стал значительно позднее. С годами у меня появились другие интересы. Но не знаю почему, захотелось мне рассказать эту историю из нашего далёкого уже детства. Далёких 1970-х годов.

* * *

Наши с Павликом мамы учительницы. Только в разных школах работают они. Мама Павлика преподаёт русский язык и литературу, а моя мама историю преподаёт. Мы учимся в школе, где работает моя мама.

Однажды мы с Павликом прогуляли урок. Бродили по корридорам и вдруг попались нашему завучу Алексею Павловичу. Алексей Павлович был физиком, но кроме того он вёл в школе кружок фотографии и кинолюбителя.

Мы так испугались, что попались ему. Наверное, глупые были по молодости. Он ведь всё понял, что мы урок прогуливаем. Ох, как же я боялся, что мама узнает об этом. Но мама узнала спустя годы, пока я сам не рассказал. Рассказал в память об Алексее Павловиче, который по болезни рано ушёл из жизни. Сегодня же я вспоминаю другой эпизод, заслуживающий внимания ещё большего.

Близился к концу учебный год, а для меня последний. Я готовился поступать в военное училище, офицером мечтал стать. Однажды в наш класс зашёл Алексей Павлович с фотоаппаратом. Мы не удивились, так как он часто снимал эпизоды нашей жизни для школьной стенгазеты. На этот раз он привёл с собою трёх девочек из параллельного моему классу. Почему так, не знаю.

Их рассадили на первых двух партах у окна и нужно было посадить ещё мальчика. Вот тут и выбрали меня, буд-то случайно. Я оказался на переднем плане в окружении симпатичных девочек. Мы изображали будущий экзамен по сочинению. Конечно, когда мы написали свои сочинения на самом деле, то разъехались затем кто куда. Школьная стенгазета предназначалась уже не нам, а идущим за нами. И это прекрасно.

Эту фотографию со своим участием я увидел через полгода, когда приехал из военного училища в зимний отпуск и конечно-же зашёл в любимую школу. Стенгазета висела на стене рядом с кабинетом истории.

Тут есть любопытная деталь, которая как в хорошем детективном романе здорово бросается в глаза. Многие годы меня терзало смутное сомнение, почему же Алексей Павлович выбрал именно меня, когда я и фотографироваться-то не хотел. За неделю до этого я сам себе поставил фингал, тренируясь этими японскими нунчаку. Легко можно было понять моё состояние. Таким фингалом гордиться нечего.

Когда ты сам станешь взрослым, ты поймёшь. Эпизод этот понял я через четверть века. Отзвенел последний звонок для выпускников, сыновья разъехались. А мамы остались. Осталась и моя мама всё в той же школе. Единственным напоминанием обо мне служила неслучайная фотография, повисевшая у кабинета истории целый год. Тот самый год, за который человек привыкает к чему-то, чего уже никогда не будет в его жизни.

* * *

Поменяв много специальностей за свою жизнь, я остановился на фотографии. Нет, нет, я не стал профессиональным фотографом и работаю не в ателье. Но с фотографиями имею дело каждый день. Как в случае с Павликом, моя судьба определилась не сразу. Он-то, хитрый брат, много лет скрывал свой выбор и это понятно – время было странное. А я прошёл армию – семь лет; завод – четыре года; затем освоил компьютерную вёрстку и восемь лет отдал этому делу. Жизнь сама меняла планы, но никогда в работе я не был прежде счастлив, как теперь. Можно только молить Бога, чтобы это продолжалось как можно дольше. Да потому, что мне просто нравится эта работа.

В нашем городе особенно в 1970-е годы стали много ломать старых деревянных домов. Сносили целые кварталы, уничтожая при этом же сады и огороды. Нам, мальчишкам, всегда можно было чем-то поживиться, когда последний жилец покидал дом. Тут тебе и макулатура, и металлолом, и какие-то брошенные игрушки. Мы ничего не понимаем во многих вещах, даже когда становимся взрослыми. Поэтому запоздалая жалось пуста. Но прозрение бессмысленным я назвать не могу, даже если оно запоздало.

Вот мы с Павлушкой бежим на одну из глухих улочек города, где четыре деревянных дома выселены. Завтра их не будет и какое счастье узнать об этом заранее. Мы успеем поработать сегодня. Через год придёшь на это место – пятиэтажная кирпичная хрущёвка или современная панельная девятиэтажка. Не могу назвать это архитектурой. Подобное строительство сделало наш город типичным, почти типовым. В общем – без своего лица. Ну не сдела окончательно. Но ещё каких-то 30—50 лет и можно переименовать.

До нас уже кто-то поработал. Ничего интересного в этих домах мы не нашли. Оставались сараи, но что там может быть? Ничего. Действительно, ничего. Груда разбитого стекла. Только какие-то странные стёкла. Два железных ящика этих стёкол, на которых буд-то бы изображения какие. Так и есть, точно изображения. Это называется негативом. Как интересно! Разве так бывает? Что с ними делать-то? Как получить живую фотографию с такого негатива. Да и кому, собственно, нужно это старье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.